

—

Цюй Лянь и представить не мог, что Янь Чангэ наберется духу так открыто заявить об их планах. На самом деле, в наше время подобные вещи и обсуждать-то не принято: современные пары (будь то мужчина с женщиной или двое мужчин) сходятся и расходятся по щелчку пальцев, расстаются даже после рождения детей, так что «первая брачная ночь» до свадьбы — дело обычное. Если бы Янь Чангэ не уперся в свое желание сначала получить признание семьи, Цюй Лянь, скорее всего, «решил бы вопрос» прямо в машине по дороге из зоны бедствия.

С того момента, как Янь Чангэ открыл рот, Цюй Лянь пребывал в состоянии шока и не мог соображать. Только когда Цюй Фэн храбро, твердо и во весь голос проорал свои истинные мысли, Цюй Лянь пришел в себя.

Бросив быстрый взгляд на застывших в оцепенении тетю и двоюродного брата, Цюй Лянь поспешно дернул Нин Бучжэ за рукав.

Нин Бучжэ: «...»

Толку-то дергать? Против не он, а дядя.

Однако, встретив умоляющий взгляд младшего брата, Нин Бучжэ внезапно почувствовал прилив защитных чувств. Его неосознанное желание оберегать Цюй Ляня было главной причиной, по которой он поверил в их родство.

Никакие тесты ДНК и логические улики не сравнятся с зовом сердца.

Это чувство из глубин памяти и самой крови — нечто такое, что невозможно стереть ни временем, ни технологиями; инстинкт, зародившийся в миг рождения Цюй Ляня.

Он мой брат. Я не вынесу его страданий. Я хочу, чтобы он был счастлив.

Повинуясь этому порыву, Нин Бучжэ подошел к тете и тихо сказал: «Хоть Янь Чангэ и ведет себя дерзко, он проявляет к нам глубочайшее уважение. Сяо Лянь живет с ним уже больше полугода; если бы он действительно хотел просто... воспользоваться им, он бы сделал это давно. То, что он говорит нам об этом так прямо, доказывает: он не хочет обижать Сяо Ляня тайными связями. С этой точки зрения он человек очень традиционный и дорожит семьей».

«Это...» — замялась тетя. — «Если подумать, в твоих словах есть смысл...»

Услышав, что тетя начала сдаваться, Цюй Лянь поспешно добавил: «Вот именно! Вы не представляете, как я хотел быть с ним, но этот человек — настоящий ископаемый артефакт! Твердит, что без одобрения старших не позволит себе близости. А так как он посильнее меня, я не могу взять его силой, вот и пришлось пообещать ему «законный статус», чтобы он наконец сдался».

Все: «...»

Ради того, чтобы легально быть с Янь Чангэ, Цюй Лянь сейчас нещадно очернял самого себя.

«Замолчи», — махнул рукой Цюй Фэн. — «В новогоднюю ночь вся семья должна бодрствовать»

вместе, я не позволю этому случиться. Одно дело — неохотно признать ваш союз, и совсем другое — постель. С сегодняшнего дня, Сяо Лянь, ты живешь у меня. Янь Чангэ пусть живет где хочет. Пока не будет официальной свадьбы, о «брачной ночи» и речи быть не может. Я человек старой закалки и не приемлю добрачный секс».

Нин Бучжэ невольно покосился на Цюй Фэна. Дядя действительно достоин быть председателем правления: сказать такое в лицо Янь Чангэ, от которого буквально исходила жажда крови, — на это способен только великий человек.

Цюй Лянь хотел было снова начать умолять, но Янь Чангэ придержал его. Лицо «меча» оставалось спокойным, он вежливо обратился к дяде: «Раз старшие так говорят, я, Янь Чангэ, не смею идти против вашей воли».

Цюй Лянь впал в отчаяние. Он столько ждал, и снова терпеть?

Янь Чангэ сжал его ладонь, призывая к спокойствию, и продолжил: «Но в таком случае дело «парного совершенствования» тоже придется отложить. Дядя наверняка знает, что двадцать один год назад Сяо Лянь пострадал от внутренней силы наемника, получив серьезную травму. С тех пор его здоровье оставляет желать лучшего. А одиннадцать лет назад он провел несколько часов в ледяной воде, что окончательно подорвало его силы. Вы наверняка водили его к лучшим врачам, но это лекарствами не исцелить. Пока он молод, кажется, что всё в порядке, но после тридцати его состояние начнет резко ухудшаться, вплоть до внезапной смерти в любой момент».

Цюй Фэн замолчал. Именно поэтому вся семья так баловала Цюй Ляня. Этот ребенок мог не дожить до тридцати пяти, и они хотели, чтобы каждый его день был наполнен радостью. Нин Бучжэ, услышав это и увидев подтверждение на лицах родных, почувствовал, как сердце сжалось от боли — это же его брат!

«В моей школе есть техника парного восполнения. Когда мы с Цюй Лянем осознали свои чувства, я начал учить его основам дыхания, чтобы подготовить базу. Я планировал использовать эту технику, чтобы подпитывать тело Цюй Ляня своей энергией. У него недостаток врожденной истинной ци, травы тут бессильны. Но используя свою истинную энергию, я смогу постепенно восполнить его дефицит и сделать его здоровым человеком. Со временем я пробью его энергетические каналы Жэнь и Ду, и Сяо Лянь даже сможет заниматься боевыми искусствами. Однако это долгий процесс, результаты появятся лишь через три-пять лет. После тридцати, когда организм пойдет на спад, будет уже поздно. После Нового года Сяо Ляню исполнится двадцать шесть, осталось всего четыре года. Время не ждет. Я просто очень торопился и не учел чувств старших», — объяснил Янь Чангэ.

«Парное совершенствование — это значит...» — с трудом выдавил Цюй Фэн.

«Именно то, о чем вы подумали, дядя», — ответил Янь Чангэ. — «Это даосское понятие. Даосизм учит гармонии инь и ян. Этот баланс можно понимать и как смену старого и нового. Последний миг уходящего года — это Инь, первый миг наступающего — Ян. Момент стыка лет — лучшее время для начала лечения. Первую практику парного совершенствования обязательно нужно провести в этот благодатный час. Я надеюсь на ваше согласие. Если упустим этот шанс, придется ждать еще год... эх...»

Янь Чангэ покачал головой и тяжело вздохнул.

Цюй Фэн: «...»

Он сильно сомневался в правдивости слов Янь Чангэ, но не смел рисковать здоровьем племянника. Его терзали противоречия, и он решительно не знал, что делать.

В итоге тетя оказалась решительнее. Она сильно хлопнула мужа по спине: «Что ты лезешь в дела молодых! Даже если бы они не спрашивали твоего согласия и не приехали сюда на праздник, а сделали бы всё по-тихому, ты бы что, отменил это потом? То, что они сначала сказали нам — это знак уважения!»

Тетя говорила бодро, но Цюй Лянь слышал, что она буквально цедит слова сквозь зубы.

«Чангэ... какое знакомое имя», — обратилась тетя к Янь Чангэ. — «Нас всех заботит одно и то же: здоровье Сяо Ляня. Раз ты говоришь, что время не ждет, ступайте наверх. Гостевая комната готова. Сяо Лянь (она невольно стиснула зубы)... теперь в твоих руках».

Янь Чангэ слегка улыбнулся и, сжимая руку Цюй Ляня, сказал: «Не волнуйтесь, тетя. Мои силы растут; возможно, я поставлю его на ноги всего за год-два».

«Ладно, идите уже», — тетя махнула рукой, но в душе её все равно всё сжималось.

Вот так взять и отдать своего самого любимого Сяо Ляня...

Янь Чангэ отвесил семье глубокий поклон и повел Цюй Ляня наверх. На середине лестницы Цюй Лянь прошептал: «Ты хоть знаешь, где моя комната? Пошли, я покажу».

С этими словами он почти бегом потащил Янь Чангэ за собой, выглядя куда более нетерпеливым, чем сам «меч».

Семья Цюй: «...»

Комната Цюй Ляня была прибрана, в ней были и спальня, и ванная, а звукоизоляция была на высоте. Здесь всегда поддерживали чистоту, постельное белье было свежим — казалось, Цюй Фэн и его семья всегда ждали, когда он вернется домой.

Едва дверь закрылась, Цюй Лянь прижал Янь Чангэ к стене и с силой впился в его губы, словно хотел вложить всю свою страсть в сердце этого муж... этого меча. Он действительно безумно любил его.

Они долго целовались. Сначала Цюй Лянь вел партию, но как он мог тягаться с объемом легких Янь Чангэ, которому вообще не нужно было дышать? Вскоре Янь Чангэ перехватил инициативу, зацеловав Цюй Ляня до головокружения, и вскоре они уже повалились на матрас.

«По... подожди!» — в полузабытьи Цюй Лянь вдруг кое-что вспомнил. Он с трудом отстранился и взглянул на время в телефоне. Было 17:23.

Цюй Лянь: «...»

«В чем дело?» — спросил Янь Чангэ.

«Ты... не находишь, что рановато?» — спросил Цюй Лянь. — «Я думал, мы начнем часов в одиннадцать вечера».

«Ничего страшного», — уверенно ответил Янь Чангэ. — «Я могу сколько угодно».

Цюй Лянь: ...А я — нет, я обычный человек, спасибо.

Янь Чангэ с некоторым сожалением поднялся, прощупал пульс Цюй Ляня и нахмурился: «Хоть разделение моих заслуг помогает твоему телу, ты еще не восстановился полностью. В таком состоянии тебя хватит минуты на три-пять... Одиннадцать вечера — это, пожалуй, рано. Начнем в 23:55».

Цюй Лянь: ...Я знаю, что я доходяга, но не настолько же.

«А до этого тебе лучше помедитировать. Я ведь учил тебя технике внутреннего укрепления? Прогони ци по кругу несколько раз. Когда тело немного адаптируется, я добавлю тебе «энергии ян», тогда будет лучше».

«Так твои слова про лечение через парное совершенствование были правдой?» — спросил Цюй Лянь.

«Разумеется», — кивнул Янь Чангэ. — «Но это не совсем применимо к нам сейчас. Парное совершенствование отличается от обычной тренировки тем, что происходит обмен истинной энергией. Я порожден энергией убийства, и моя истинная энергия — сплошной негатив. Обычный человек такого не выдержит. Если ты примешь мою истинную энергию, то можешь ступить на путь демонического совершенствования, а это недопустимо. Чтобы практиковать настоящее парное совершенствование, мои накопленные заслуги должны полностью очистить мои меридианы и нейтрализовать энергию убийства чтобы в твое тело текла только чистая позитивная энергия. А до тех пор мы будем... как обычные люди».

«Сколько это займет времени?»

Янь Чангэ немного посчитал и ответил: «Я копил энергию убийства более двух тысяч лет... Даже если заслуги будут даваться легко, на очищение уйдет лет триста...»

«А как же то, что ты говорил про мое здоровье?» — с тревогой спросил Цюй Лянь. Он не боялся смерти, он боялся, что после смерти не сможет быть с Янь Чангэ.

«Глупыш», — Янь Чангэ погладил его по волосам. — «Мы давно заключили контракт сосуществования. Живешь ты — живу я, умрешь ты — уйду и я. Я всегда буду с тобой. Я постоянно подпитываю твое тело, а заслуги защищают тебя. Ты уже давно не обычный смертный и сможешь прожить со мной сколько угодно лет».

Цюй Лянь выдохнул с облегчением, но тут же снова напрягся: ««Не обычный смертный», но всего пять минут?»

«У сильных смертных это может длиться от получаса до часа. Это не связано с продолжительностью жизни, только с количеством энергии ян».

Цюй Лянь: «...»

Поняв, что спорить бесполезно, он уселся в позу лотоса и начал практиковать технику, которой его научил Янь Чангэ. Иначе, если Янь Чангэ будет активен несколько часов, а он «закончится» сразу — это будет полная дисгармония.

Видя, что Цюй Лянь вошел в медитацию, Янь Чангэ успокоился. Он открыл дверь и тихо сказал четверым родственникам, топтавшимся в коридоре: «Цюй Лянь вошел в медитацию. Не беспокойте его».

«В медитацию?» — Нин Бучжэ заглянул в щель и, увидев сидящего в позе лотоса Цюй Ляня,

тоже прошептал: — «Это что у вас за новые ролевые игры?»»

«У Сяо Ляня слабое здоровье. Если заняться этим без подготовки, избыток энергии ян навредит ему. Ему нужно сначала привести дыхание в порядок, чтобы в теле появилась хоть капля истинной ци для усвоения моей помощи», — Янь Чангэ вышел, плотно закрыл дверь и с видом мученика посмотрел на присутствующих.

Двое парней с завидным рвением убежали наверх якобы «предаваться страсти», а в итоге всё закончилось медитацией — такого поворота не ожидал никто. Мужчины лучше всех понимают мужчин. Негодование в глазах Цюй Жуя сменилось сочувствием. Он набрался храбрости, похлопал Янь Чангэ по плечу и с видом «я всё понимаю» произнес: «Крепись».

Янь Чангэ скромно улыбнулся: «Ради здоровья Сяо Ляня я готов на всё».

Он обвел взглядом родственников, пытавшихся подслушивать под дверью, и открыто сказал: «Цюй Лянь выйдет из медитации не раньше часа Хай (21:00–23:00). Ждать в коридоре несколько часов нет смысла. Может, когда он закончит, я сам позову вас наверх?»

Своим видом Янь Чангэ говорил: «Можете подслушивать сколько влезет, не я тут буду злиться». Он в очередной раз продемонстрировал семье Цюй свое великодушие и мудрость.

Четверо родственников: «...»

«Хм!» — гневно фыркнул Цюй Фэн и первым пошел вниз. Его уход дал остальным возможность «сохранить лицо» и последовать за ним. Янь Чангэ стоял на лестнице, глядя на них сверху вниз с загадочной улыбкой.

Убедившись, что они ушли и вряд ли посмеют подняться снова, Янь Чангэ вернулся в комнату к медитирующему Цюй Ляню.

Он осторожно подсел к нему на кровать — так тихо, что матрас даже не шелохнулся. Янь Чангэ не сводя глаз смотрел на Цюй Ляня. Те самые «персиковые глаза», всегда искрящиеся страстью, сейчас были плотно закрыты, подчеркивая длину ресниц. Янь Чангэ слегка коснулся его ресниц и почувствовал, как сердце (которое после Небесной Кары билось само по себе) заколотилось еще сильнее.

Цюй Лянь был прекрасен. Янь Чангэ не мог отвести взгляд; казалось, чем дольше он смотрит, тем сильнее бьется сердце, словно вот-вот не выдержит нагрузки. И всё же ему хотелось смотреть еще и еще — кажется, он мог бы делать это тысячи лет и не устать.

Это и было человеческое тело после истинной трансформации — с семью чувствами и шестью желаниями, порождающее демонов сердца. Считается, что практик должен испытать все страсти, а затем отсечь их, чтобы достичь просветления.

Но зачем ему это просветление? Холодному бессмертию Янь Чангэ предпочитал мимолетное, но яркое пламя.

Цюй Лянь не знал, сколько пробыл в медитации. Когда он открыл глаза, в комнате горел мягкий теплый свет, а за окном было совсем темно. Янь Чангэ сидел рядом и пристально смотрел на него. Они были так близко, что стоило чуть шевельнуться, и их губы соприкоснулись бы.

Но Цюй Лянь не двигался. Он так же молча смотрел на Янь Чангэ и видел в его глазах свое

отражение — там был только он один.

«Который час?» — спросил Цюй Лянь. Воздух от его дыхания коснулся губ Янь Чангэ, словно приглашая к поцелую.

Услышав вопрос, Янь Чангэ ожил. Он взял Цюй Ляня за руку и ответил: «Десять минут двенадцатого».

«Еще не полночь», — Цюй Лянь с облегчением и смущением улыбнулся. — «Но уже скоро. Совсем немного осталось».

Когда он раньше соблазнял Янь Чангэ, ему не было неловко, но теперь, когда дело дошло до «официального момента», он вдруг оробел.

Янь Чангэ наклонился и нежно поцеловал его в щеку. За этим последовали частые, нежные поцелуи — казалось, он хочет завладеть им целиком.

Цюй Лянь нервничал. От волнения он не проявлял привычной инициативы, а просто прижался к груди Янь Чангэ, позволяя ему делать что угодно. Время от времени он мелко дрожал — то ли от страха, то ли от предвкушения.

«Не бойся», — сказал Янь Чангэ. — «После контракта сосуществования мы едины. Я не причиню тебе боли».

«Я не боюсь», — покачал головой Цюй Лянь и крепко сжал руку Янь Чангэ. — «Я просто очень счастлив».

Счастлив, что встретил тебя. Счастлив, что полюбил.

С того момента, как в его жизни появился Янь Чангэ, тернистый путь его судьбы был расчищен несокрушимым мечом, открывшим светлую и широкую дорогу. Этот меч всегда был впереди, оберегая его от малейшей раны.

Как он мог бояться под защитой такого сокровища?

Услышав, что тот не боится, Янь Чангэ подбадривающе поцеловал Цюй Ляня в лоб и хрипло произнес: «Тогда стань моими ножами. Моими единственными ножами, которые я никогда не покину».

Цюй Лянь: «...»

Нет-нет, такое позиционирование ему не очень по душе.

«Любой меч в итоге должен вернуться в ножны. Каким бы знаменитым он ни был, без ножен он остается лишь опасным клинком, ранящим и других, и себя. Стань моими ножами — запечатай меня, защити меня», — Янь Чангэ целовал его в ухо, ожидая ответа.

Цюй Лянь не хотел соглашаться, но хриплый голос Янь Чангэ был слишком чарующим, и он невольно кивнул.

В тот миг, когда он кивнул, меч вошел в ножны.

—

Автору есть что сказать:

Цюй Лянь: С 16:00 до 23:00, целых семь часов. Янь Чангэ, ты ведь не сдашься, верно?

Янь Чангэ: Я божественное оружие номер один в мире, несокрушимое. Даже самый твёрдый алмаз в мире не сравнится со мной. Как я могу быть мягким?

Цюй Лянь: ...

Янь Чангэ вернулся в свою изначальную форму: Если ты мне не веришь, почувствуй это. Хоть я и немного согнут, я все еще крепкий меч!

Цюй Лянь: ...

—

<http://bllate.org/book/14517/1285755>